

Сургучев И. «Дядя Ваня» у художественников // *Возрождение* (Париж). 1927. 19 января. № 596. С. 3.

Театръ и музыка

«ДЯДЯ ВАНЯ» У ХУДОЖЕСТВЕННИКОВЪ

Идутъ годы, мѣняются обстоятельства, измѣнилась Россія, измѣнился русскій бытъ, измѣнились мы сами и вотъ въ январѣ мѣсяцѣ нелѣпѣйшимъ образомъ сидимъ почему то въ Парижѣ, — а Дядя Ваня по-прежнему несетъ свое: что изъ него вышелъ бы Шопенгауэръ или Достоевскій, и что вся жизнь его испорчена благодаря брошюрамъ какого то бездарнаго профессора, который 40 лѣтъ пишетъ объ искусствѣ, ничего въ искусствѣ не понимая. Астровъ, по-прежнему, не закусывая, пьетъ водочку и сохраняетъ увѣренность, что жизнь черезъ 100 или 200 лѣтъ будетъ невообразимо прекрасна. Соня слезливо мечтаетъ объ отдыхѣ и о небѣ въ алмазахъ.

И, все-таки, этотъ Дядя Ваня нелѣпый и смѣшной нашъ старый Дядя Ваня, орловскій или тульскій, изъ котораго ни при какихъ условіяхъ не вышло бы ни Шопенгауэра, ни Достоевскаго, — все-таки онъ по-прежнему влечетъ къ себѣ русскія сердца и театръ въ день его именинъ, — всегда полонъ, насторожены лица и глаза зрителей и мой сосѣдъ французъ, извѣстный переводчикъ Чехова, умильно и влюбленно вслѣдъ за актерами, повторяетъ полумошпотомъ трудныя, «скифскія» слова.

На пьесахъ Чехова, на его изумительно театральной техникѣ, нужно учиться мастерству писать для сцены. Оскудѣваетъ драматургами земля русская. Здѣшняя молодежь предпочитаетъ заниматься стихоплетствомъ, — благо это легко и даетъ скоропалительную извѣстность, хотя въ радиусѣ трехъ метровъ монпарнасскаго холма. А тамъ, въ Россіи, все писательскіе «органы», отравлены пропагандой и публицистикой. И вянетъ слово новаго русскаго театра, и безвозбранно совершаетъ свои безчинства прежде титулярный совѣтникъ, нынѣ товарищъ, Мейерхольдъ.

Играютъ «Дядю Ваню» наши молодые художественники — не плохо. Конечно, Германову и Павлову нужно прежде всего вынести за скобки. Это гвардія старая и исключительная. Германова — превосходна въ Еленѣ Андреевнѣ. Эта роль въ ея характерѣ и темпераментѣ: Елена Андреевна чище и опрятнѣе Раневской, аристократичнѣе ея и тоньше, — и, слѣдовательно, Германовой представляется полная возможность играть въ томъ регистрѣ, который у нея особенно блестящъ и выразителенъ.

Про такія роли, какъ Вафля у Павлова, старикъ Суворинъ любилъ говаривать, что артистъ въ нихъ «купается».

Компссаровъ, который когда то въ Москвѣ выносилъ Астрову водочку, теперь вознесся до высотъ самого Вани и, надо признаться: робѣлъ, естественно волновался, но борода не испортилъ, театра не выдалъ, былъ хорошъ и убѣдителенъ.

Въ Вырубовѣ чувствовалась усталость (второй актъ, сцена у буфета). И понятно: молодой актеръ вынесъ на себѣ труднѣйшій репертуаръ: отъ «Карамазова» до «Живого трупа», но Астровъ — въ его тонахъ и силахъ — и еще заблеститъ.

Жаровъ, тонкій, нервный артистъ, легко справился съ ролью профессора.

Очаровательныя женщины: Крыжановская въ Сонѣ, Токаря въ нянѣ, и въ

роли матери представилась для г-жи Дягиревской возможность хоть немножко блеснуть дарованіемъ, которое когда-то такъ любила театральная Русь.

И. Сургучевъ.